

не смыслит? Он забыл, что идет война? Ведь и ребенок не задал бы такого вопроса!

— О, мессир, — отвечает она, — солдаты будут сражаться, и бог пошлет им победу!

На это возразить было нечего. Ученые доктора казались вполне удовлетворенными. Ничего еретического обнаружить в речах девушки пока что не удалось.

А потом и пошло... День сменял день, а они все приходили и мучили ее. И опять те же вопросы, то же щемящее неотвратимое чувство, что тебя хотят запутать. Жанна потеряла сон, голова ее гудела, временами она переставала понимать, что происходит.

— Мессиры, — взмолилась она наконец, — зачем вы училиваете мне этот допрос? Я не понимаю, чего вы от меня хотите! Ведь вам же известно, что я не читала ваших книг, что я не знаю ни «а», ни «б»!

Как было ей отрадно, когда однажды в стражнике, сопровождавшем попов, Жанна узнала воина, которого раньше встречала в Шиноне. В этом простом человеке она чувствовала своего. Он не мудрствовал и хотел сражаться. Девушка дружески ударила его по плечу.

— Как бы желала я, — заметила она со вздохом, поглядывая на «святых отцов», — иметь вокруг себя несколько человек с такою же доброй волей, как у него.

Шла третья неделя. Ученые мужи расспрашивали Жанну о голосах, добивались подробностей о ее виденьях. Они порицали ее за ношение мужской одежды, укоряли за то, что она называла короля дофином.

Жанна старалась объяснить все, как могла. Иногда, однако, ей становилось совсем невтерпеж. Что они все время суются со своими священными книгами, зачем морочат ей голову тем, чего она не знает и не может знать? Их язык был несвыносим. Их показная ученость вызывала возмущение. Девушка решила сбить с них ученую спесь одним ударом.